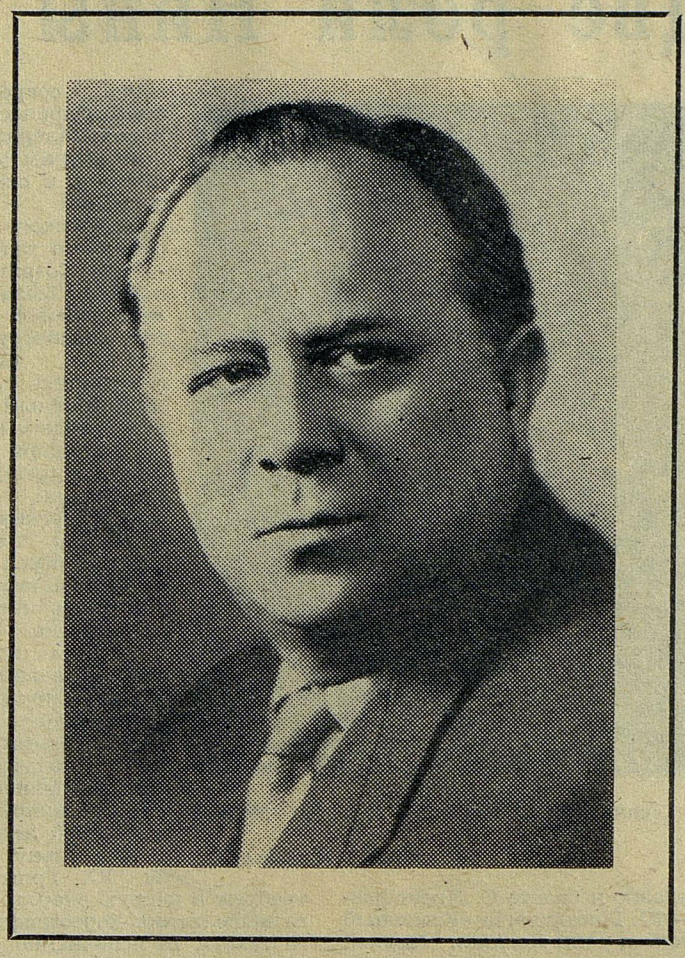
Сов. артист 1974, №10, 15 марта.

ПАМЯТИ НАРОДНОГО АРТИСТА СССР АЛЕКСЕЯ ФИЛИППОВИЧА КРИВЧЕНИ

А. Ф. КРИВЧЕНЯ КАК ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ОПЕРНОГО ИСКУССТВА



Советское музыкальное искусство понесло тяжелую утрату. Скончался народный артист СССР, солист Государственного академического Большого театра СССР, лауреат Государственной премии СССР Алексей Филиппович Кривченя.

А. Ф. Кривченя родился в 1910 году в г. Одессе. В семнадцатилетнем возрасте начал свой трудовой путь рабочим канатного завода, молотобойцем. Одновременно учился в Одесской консерватории, куда его привела большая любовь к музыке, театру.

С 1938 года началась артистическая деятельность А. Ф. Кривчени. Выразительный голос, яркая творческая одаренность выдвинули его в число ведущих исполнителей. С огромным успехом он выступал в Луганском, Днепропетровском, Красноярском и Новосибирском оперных театрах.

В 1949 году был приглашен в Большой театр СССР.

За годы работы на оперной сцене А. Ф. Кривченя сыграл около 30 ролей. Он был подлинным мастером русской вокальной школы.

Созданные А. Ф. Кривченей образы Бориса Годунова, Мельника, Кончака, Фарлафа, Варлаама, Салтана вошли в сокровищницу советского музыкально-театрального искусства. За исполнение роли Ивана Хованского А. Ф. Кривчене в 1951 г. была присуждена Государственная премия СССР.

Значительное место в творчестве А. Ф. Кривчени занимала работа над образами наших современников. Его талант во многом способствовал успеху опер С. Прокофьева, Ю. Шапорина, Д. Кабалевского, А. Холминова. Каждая его роль была итогом самоотверженного труда художника-патриота.

До последних дней своей жизни,— уже будучи на творческой пенсии — А. Ф. Кривченя участвовал в спектаклях Большого театра, выезжал на гастроли, выступал в концертах для воинов Советской Армии.

Светлая память об Алексее Филипповиче Кривчене — выдающемся мастере советского музыкально-театрального искусства — навсегда сохранится в наших сердцах.

Министерство культуры СССР,
Министерство культуры РСФСР,
ЦК профсоюза работников культуры,
Государственный академический Большой театр СССР,
Всероссийское театральное общество.

А. Ф. Кривченя — выдающееся и поучительное явление в искусстве современного оперного театра, потому что его творчество наиболее органично сплавляло оперный комплекс: музыка—театр.

Есть много знаменитых артистов — **исполнителей** музыкальных спектаклей, артистов, которые пунктуально и во всех отношениях профессионально соблюдают и передают «замысел композитора», обладая и голосом, и музыкальностью, и сценичностью.

А.Ф. Кривченя не исполнял, а **создавал** свой, неповторимо индивидуальный образ, **рождал** каждый раз особого человека, с его спецификой мышления, мировоззрения, чувствования; **сочинял** тип человека определенного общественного и психического склада характера. Он перерождался изнутри и прежде всего заботился о предпосылках рождения данной образной личности. В этих предпосылках ему было важно все: и исторические условия жизни человека, и социальная заинтересованность его, и персональная «сверхзадача» сценической жизни, и быт, привычки, приспособления...

Показателен метод его работы над ролью.

А. Ф. Кривченя не спешил укладывать ритм партии и последовательность интервалов в чемодан памяти. В закромах своих личных ассоциаций он неторопливо подбирал к ним «человечий» смысл, строго ориентируясь на идейное и художественное предназначение исполняемого лица. Точно выучить фразу партии для Кривчени значило — родить ее психическую предпосылку; вызвать к конкретной жизни ее музыкальную логику, вызвать заново, единолично, в соответствии со своей индивидуальностью и действенной потребностью.

Таким образом, А. Ф. Кривченя постепенно превращался в Хованского или Базилио, в Варлаама или Вершинина. Совершалось чудо перерождения, редкий ныне на театре процесс перевоплощения.

Кем был Алексей Филиппович в жизни —установить, по правде говоря, нам очень трудно. Лениво и медленно ходил этот представительный мужчина по театру, вызывая вокруг умиление и «душевные расположения». И вдруг, как внезапный прыжок тигра, единый поворот глаз на красивом лице Хованского пригвождал нас к страху, страху за целую Русь, ее историю и судьбу. «Так, а правленье-то какое? — Как какое? **МОЕ**, НАДЕЮСЬ». Становилось жутко. И думали мы: неужели же в характере Алексея Филипповича есть этакая злобная силища?

В черной шляпе, солидный и элегантный, прогуливается он после спектакля по вечернему Парижу — знаменитый артист или богатый банкир, думали о нем прохожие. Но вот витрина, и целый мир «радостей»: всевозможные замочки, крючечки, шурупы, гвозди, болты, петли, скобы... Часами мог стоять перед такой витриной человек в черной шляпе.

— Гвозди повезем в Москву? — шутят товарищи.

— Нее... — бесстрастно отвечает Алексей Филиппович, — я вже набрав... пшона.

— А таможня?

— Да я ж в мокитру и пид лавку...

Начинался «спектакль», полный неторопливого юмора и тонкого лукавства. Расставаться не хотелось.

Кто видел, как на спектакле «Сорочинская ярмарка» Кривченя-Черевик целую вечность примерялся вдеть ногу в сапог, чтоб было без особых хлопот, тот мог уверять: «Ну, Кривченю мы знаем, что такой безобидный, сонный и обаятельный»... Посмотрев его в «Севильском пирюльнике», говорили: «Хитер и лукав эта жирная бестия»... А в «Семене Котко» вдруг приходило в голову: «А уж не из кулаков ли, ненавидящих все новое и справедливое, наш Алексей Филиппович?».

Личность артиста сливалась с личностью образа. Только великий артист способен культивировать в себе, в своей органике, психике черты образа, организуя их художественные пропорции.

Артистическая «кухня» у Алексея Филипповича была своя, особая. Ни познать, ни повторить ее невозможно. Репетировать с ним было трудно и даже опасно для становления в нем черт образа персонажа спектакля. Никогда не было ясно, что из сказанного и показанного он «зацепил», а что пропустил, как ненужное. У него была острая чувствительность к сценической фальши. Он буквально страдал от нее.

Кривченя не **готовил** роль, а **рождал** ее в себе. Рождал, подкармливал, воспитывал, не насиловал до поры до времени и охранял до «совершеннолетия» от постороннего глаза. Занимался он этим двадцать четыре часа в день. Работал, разговаривая с вами, валяясь на диване с внуком, смотря телевизор, балагуря на репетициях. Балагурил не от отсутствия дисциплины, а маскируясь, скрывая за шуткой, «ленью», мнимой непонятливостью внутренний процесс рождения образа. Надо было знать, когда оставить его в покое, а когда «провоцировать». Однако всегда можно было быть уверенным, что процесс идет, его не надо торопить или осаживать, что это духовная потребность артиста.

«Кривченя — большой талант», говорят про него; «ему все дается легко!». Нет, талант Кривчени не был таким, который случайно выбрасывает, на удивление всем, замечательные оперные образы; это был талант, организованный высокой интеллектуальностью; природа его не стихийна, а высоко осмысленна. Сколько раз я в этом убеждался!! Поэтому пример Кривчени — пример современного оперного артиста. И тут уместно отметить одно из главных чудес его творчества — его **оперность.**

А. Ф. Кривченя пел не ноты, а интонацию автора, преображенную личностью художника-музыканта. Главная сила воздействия его заключалась в **оперном** пении,в поисках интонаций образа в себе самом, в своем психо-физическом аппарате и главное — голосе. Как Кривченя «играл», вы можете услышать в его пении. Это не было «протокольным» пением; его голос, сам тембр приобретали каждый раз новую окраску (вспомните, что Шаляпин писал об интонации!) в связи с характером, ситуацией, волевым посылом.

Был ли А. Ф. Кривченя большим музыкантом, я не знаю, но знаю точно, что прокофьевскую интонацию никто еще не освоил и не присвоил так, как он в «Семене Котко». В этом смысле его пение достигло высочайшего оперного мастерства. («В опере надо петь, как говорят». Шаляпин). Дело не в «игре» и «пении», дело в интонации образа, которая объединяет все выразительные средства оперного артиста.

Разум, художественый расчет в единстве с вдохновением, жизненная проницательность, чувство правды, сопряженные с артистическим и вокальным даром (да, конечно же, они были очень высоки!), отсутствие суеты в творчестве, высокая принципиальность, требовательность к себе, отчуждение от «модности» и чувства обывательской «исключительности», полное, до конца, проникновение в суть образа, его «зерно» и интонацию — вот черты артиста Кривчени, вот пример подлинно современного артиста!

Есть с кого брать пример! Это очень большое счастье, что он работал с нами!

Б. ПОКРОВСКИЙ,
народный артист СССР.

АРТИСТ, ЧЕЛОВЕК, ДРУГ

Трудной была жизнь в семье одесского железнодорожника и рыбака Кривчени, когда в 1910 году родился еще один ребенок.

С детства Алексей Филиппович Кривченя хорошо знал Молдаванку, знал, что такое «Мишка-япончик», а любовь к привозу (базару) у него осталась на всю жизнь. И где бы ни был он—на родине или за рубежом—первое место в новом городе, которое посещал А. Кривченя, был базар. А когда я говорил ему, что не к лицу артисту Большого театра ходить по базару, он тянул меня за рукав и говорил: «Ты только молчи. Смотри, слушай и наблюдай. Кроме консерватории, пройди и эту школу». Я понял, откуда у Алексея Филипповича такое глубокое знание человеческих характеров, знание жизни в различных ее аспектах. Его острый, наблюдательный глаз, пытливый ум фиксировали характернейшие черты человеческой натуры. И потом с точностью, меткостью, огромной выразительностью он воспроизводил эти черты и черточки в своих героях на сцене Большого театра.

У каждого человека есть хорошее, говорил он мне, даже у жулика. Алексей Филиппович умел видеть это хорошее, умел ценить его и даже в самых своих сложных героях (а среди них были и отрицательные) вытягивал это хорошее, отчего его образы обретали живую плоть и кровь.

Алексей Филиппович Кривченя— один из тех, кто участвовал почти во всех постановках советских авторов (в том числе и на современную тему) на сцене Большого театра.

У Алексея Филипповича был сложный характер: он непросто сходился с людьми, был подчас замкнут. Но нет у нас в труппе ни одного певца, который не мечтал бы быть таким артистом, как он.

Его знали и любили зрители, любили за огромную правду и простоту исполнения, за неповторимую яркую творческую индивидуальность.

Я помню его выступления этим летом перед воинами Советской Армии, несущими службу в ГДР. Во время этой военно-шефской поездки А. Кривченя с потрясающим успехом исполнял в паре с Л. Никитиной дуэт Одарки и Карася из оперы «Запорожец за Дунаем» и сцену Игоря и Кончака с В. Валайтисом из «Князя Игоря». Надо было видеть, как восторженно принимал его зал; он только выйдет на сцену, еще молчит, а зал уже гудит, уже реагирует.

Хорошо, что записана с его участием опера «Хованщина». Его Иван Хованский, с моей точки зрения, — одна из вершин советского оперного исполнительства.

Я повторяю, он нелегко сходился с людьми, но легко и щедро помогал им творчески. Помогал многим—от Н. Гяурова до вновь принятого стажера, помогал всей своей щедрой сущностью.

Мое поколение артистов не видело великого Шаляпина. Но судя по игре и пению Алексея Филипповича Кривчени, по высказываниям Б. Покровского, по записям пластинок и, главное, по увиденному и услышанному своими глазами, я могу назвать его продолжателем великих реалистических традиций русской оперы.

Алексей Филиппович Кривченя был артистом яркого, самобытного, глубокого национального дарования. Был хорошим, умным другом, серьезным и ответственным человеком.

Пройдет время, и о нем напишут книги, напишут о том, как он умел и любил работать, как никогда не полагался на случай, как долго и тщательно отбирал средства исполнения, чтобы применить в том или ином образе самые сильные, самые выразительные. Напишут о том, как он любил театр, искусство, с какой отдачей всего себя выступал на сцене Большого театра Союза ССР.

Светлая память тебе, дрогой наш товарищ и друг, большой настоящий артист нашего любимого театра.

А. ГРИГОРЬЕВ,
народный артист РСФСР.